

К ДИСКУССИИ О СВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2019 г. О. В. Мартышин

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: martyshin.o@mail.ru

Поступила в редакцию 09.08.2018 г.

Светское государство стало предметом дискуссии в Российской Федерации. Предпринимаются попытки «современного» толкования этого конституционного принципа, сводящиеся к отрицанию его общепринятого содержания.

Ключевые слова: светское государство, отделение религии от государства, свобода совести, равенство религий перед законом.

DOI: 10.31857/S013207690004427-1

В феврале 2013 г. на встрече с участниками Архиерейского собора РПЦ Президент РФ В.В. Путин заявил: «Сохраняя, безусловно, светский характер нашего государства, не допуская огосударствления церковной жизни, мы должны уйти от вульгарного, примитивного понимания светскости»¹. Эти слова — отклик на новые отношения, складывавшиеся между государством и религиозными организациями в постсоветское время и не всегда вяжущиеся с традиционными представлениями о светском характере политической власти. Проблема возникла задолго до выступления Президента. В попытках её решения наметились любопытные тенденции.

* * *

Нередко отрицается или ставится под сомнение самый принцип светскости, официально возведённый, как известно, в ранг одной из основ конституционного строя России (ст. 14 Конституции РФ). Такая позиция получает распространение при очевидном противоречии тексту Конституции.

Ещё в апреле 2007 г. на «круглом столе», посвящённом религиозному плюрализму и гражданскому обществу в России, известный тележурналист М.В. Леонтьев рассуждал: «Может быть, концепция светского демократического государства, в которой все религии и конфессии равны не только в правовом смысле, но и в плане занимаемых в обществе позиций, недостаточна с точки зрения чисто политических задач государства? <...> Думаю, сейчас тактически нецелесообразно закреплять за

РПЦ статус государственной церкви, но двигаться к этому целесообразно. РПЦ не должна получать эксклюзивные привилегии, ущемляющие другие религии и конфессии, она просто должна перестать бороться за то, что принадлежит ей по праву рождения»². М.В. Леонтьев прославился страстной защитой официальной линии. Про него можно было бы сказать: «Что у умного на уме, то у Леонтьева на языке».

Профессор В.В. Сорокин в вышедшей в том же году монографии занял более радикальную позицию: «Государственной идеологией в России должно быть признано православие, тогда православная христианская вера станет государственной религией, а Русская Православная Церковь получит статус главенствующей со всеми вытекающими юридическими последствиями»³.

Когда отец Владимир (Нежданов), священник из Солнечногорска, говорит, что формулу «отделение церкви от государства» нельзя принимать как безусловную или даже принципиально верную, так как Русскую церковь не может не затрагивать всё, чем живёт народ, и ссылается на выступления практически всех иерархов на Архиерейском соборе⁴, это можно было бы приписать корпоративным интересам. Но сходные мысли высказывал и известный теоретик права Г.В. Мальцев: «Само по себе предположение, что Запад, создав светское

² НГ—Религии. 2007. 16 мая.

³ Сорокин В.В. Понятие и сущность права в духовной культуре России. М., 2007. С. 475.

⁴ См.: Лит. газ. 2008. 9–15 июля. С. 2.

¹ Независимая газ. 2013. 4 февр. С. 1.

государство и освободившись от религиозных элементов в праве, достиг культурных высот, до которых остальному миру нужно долго добираться, сегодня вновь становится предметом сомнения и споров»⁵. «Христианскую церковь, идёт ли речь о православной или католической, нельзя подвести под общее понятие “корпорация” или “общественное объединение” не только по мотивам, на которые указывают теологи (“церковь — не от мира сего, она богочеловечна, Богом установлена”), — рассуждает Г.В. Мальцев. — Христианская церковь — это универсальное явление с подвижными и неформальными организационными рамками, это — носитель духовной власти, которая способна вести за собой идею права при определённых исторических обстоятельствах»⁶. Отсюда и следующее заключение: «Имеются достаточно серьёзные основания укрепить публично-правовой статус Церкви, заключив, например, нормативный договор между РФ и РПЦ об основах и принципах взаимоотношений между ними, об их сотрудничестве в деле возрождения русской духовности»⁷. Здесь сомнительной, с точки зрения Г.В. Мальцева, западной идее светского государства противопоставляется конкордат государства и церкви. Но если государство и церковь понимают возрождение русской духовности одинаково, ясно, что это — не светское государство.

Несогласие с принципами светского государства характерно и для некоторых представителей мусульманской религии. Так, имам Центральной Джума-мечети Махачкалы (Дагестан) и глава Совета имамов Махачкалы Магомедрасул Салдуев в 2011 г. полагал, что «необходимо в первую очередь на уровне государственной политики поддерживать повышение уровня религиозного сознания среди молодежи» (это говорилось в контексте борьбы с терроризмом, опирающимся на экстремистские течения ислама). М. Салдуев следующим образом аргументировал свою позицию: «В конце концов, не имеет ли наша республика в рамках современной демократии права на религиозную идентичность? Почему на сегодняшний день мы слышим возгласы: “государство светское, вузы светские, вы (религиозные деятели. — О.М.) — отдельно, мы — отдельно?”. Надо вообще исключить из обихода подобные слова... В нашей республике около 100% мусульман... Скажите людям, что наша республика, хвала Всевышнему Аллаху, — мусульманская республика»⁸.

⁵ Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., 2008. С. 474.

⁶ Там же. С. 515, 516.

⁷ Там же. С. 524.

⁸ НГ — Религии». 2011. 18 мая. С. 2.

Иногда такой подход находит поддержку и в РПЦ. Протоиерей В. Чаплин писал: «Нужно признать: секулярный проект на Кавказе провалился — что в советском, что в постсоветском варианте. И сейчас нужно перестать ритуально кланяться священной корове светскости, которая по инерции почитается 10–15% (другое дело, что к этим процентам относится большинство западных элит, а перед ними у нас до сих пор принято испытывать благоговейный ужас). Если люди хотят жить по религиозным правилам, их никто не заставит поступать иначе — ни силой, ни промывкой мозгов (простите, “просвещением в духе толерантности”). Если в Чечне, Ингушетии, Дагестане действуют многие нормы исламского права, то было бы ошибкой не замечать этого или говорить, что это однозначно плохо лишь потому, что “Великая” французская революция, а за ней — нынешнее европейское и российское право задали обществу другой вектор»⁹.

В. Чаплин вообще полагает, что «у нас нет принципа отделения церкви от государства... церковь как мировоззрение, религия, как явление не может быть отделена от государства»..., — от государства отделены религиозные объединения... Речь идёт об организационных структурах религиозных общин. Они не являются органами государства и потому государство не несет на себе религиозных функций»¹⁰.

В ряде стран СНГ критическое отношение к отделению церкви от государства высказывалось государственными деятелями. Премьер-министр Армении Т. Саркисян в интервью 2008 г. заявил, что «принцип отделения церкви от государства устарел»¹¹. Президент Республики Беларусь Лукашенко подчеркивал: «Мы никогда не отделяли себя от Церкви, ведь государство и Церковь решают одну и ту же задачу»¹².

Принцип, провозглашённый в конституциях постсоветских государств, ныне многими не признаётся бесспорным. В. Шейнис, член Конституционной комиссии в 1990–1993 гг., участник Конституционного совещания 1993 г., имел основания заявить, что в случае изменения текста Конституции «немедленно будет поставлен под вопрос светский характер государства (экспансия церкви в армию, в школу, да и в политику и так уж разворачивается широким фронтом)»¹³.

⁹ Там же. 2010. 17 нояб. С. 2.

¹⁰ Там же. 2012. 29 июня. С. 2.

¹¹ Оганнисян О. Церковь постсекулярная или постсакральная // Pro et Contra. 2013. № 3–4, май — авг. С. 59.

¹² Василевич Н. Белорусская православная церковь в тени государства // Там же. № 5, сент. — окт. С. 84.

¹³ НГ — Политика. 2012. 17 апр. С. 14.

* * *

Замечание Президента РФ на Архиерейском соборе могло бы обескуражить противников светского государства, но сохраняются широкие возможности интерпретации в ходе преодоления «вульгарных представлений о светском государстве». Некоторые плоды такого рода творческого толкования символичны.

Представитель РПЦ в Страсбурге, кандидат богословия и политических наук игумен Филипп (Рябых) полагает, что традицию светскости государства нужно вести «не от Французской или Российской революций, а начиная с VI века», с «провозглашения императором Юстинианом принципа симфонии властей», т.е. разделения компетенции светской и духовной властей при наличии взаимодействия, а не конфликта между ними. «Если на Востоке эта система оставалась неизменной нормой на протяжении столетий, то на Западе сначала её отвергли, а потом пришли к ней путем кровопролития и многих жертв, — пишет игумен Филипп. — Европейским государствам пришлось противостоять концепции “двух мечей”, с помощью которой папство рассматривалось как средоточие духовной и мирской властей. В результате, борясь за свою автономию, светская власть стяжала на Западе мощный дух антихристианства и антиклерикализма. Появился даже принцип отделения Церкви от государства, в самом названии которого ощущается направленность не только на разграничение институтов и функций двух властей, но на какое-то противостояние и даже изоляцию друг от друга двух порядков общественной жизни»¹⁴. Игумен Филипп умалчивает о том, что симфонией Юстиниана дирижировал сам император, считавший себя главой церкви, что на этот статус претендовали все его преемники, как и все монархи в странах, принявших христианство от Византии, в России — в первую очередь. Игумен Филипп обвиняет Петра I в том, что при нём «Церковь была интегрирована в государственный аппарат». Упрек незаслуженный. Петр Великий лишь довел до логического конца византийскую традицию цезаропапизма, утвердившуюся на Руси и особенно окрепшую при Иване Грозном. Как писал Н.Н. Алексеев, Церковь в лице иосифлян «сама давалась в руки государства»¹⁵. Она так и оставалась частью государственного аппарата до самого конца самодержавия. На Западе цезаропапизм не состоялся из-за независимости церкви, обладавшей самостоятельной, внегосударственной организацией, возглавлявшейся Папой римским,

претендовавшим, как и византийские императоры, на полноту власти (папоцезаризм).

Итог противоречивых рассуждений игумена Филиппа подводит поставленный им вопрос: «Может, пора восстановить справедливость и заменить в нашем словоупотреблении дискриминационный термин “отделение церкви от государства” на дружественный религии термин “симфонии Церкви и государства” при сохранении идеологически сбалансированного понятия “светское государство?”». Единственное дополнение игумена Филиппа к «формуле светского государства» византийского императора Юстиниана — распространение симфонии властей и на другие «традиционные» религии, на общество в целом»¹⁶.

* * *

По-другому решает задачу наделения светского государства религиозным содержанием мирян, д-р юрид. наук И.В. Понкин. Парадоксальность его подхода находит выражение в типологии светских и несветских государств, которая существенно противоречит общепринятым представлениям. Она включает «четыре типа светского государства (преференциальный, эквипотенциальный, контaminationный, идентификационный) и два типа несветского государства (теократический, авторитарно-идеократический)»¹⁷. Общие критерии этого деления не определены. Непонятно, идет ли речь о реальном положении дел или о правовом статусе религий. Попытаемся разобраться в этой претендующей на научность и новаторство типологии.

Начнем с бесспорных положений. Теократия (по определению автора, «зависимое от санкционирования и давления религии (?) государство, в котором вся полнота высшей государственно-политической власти принадлежит религиозному руководству (руководству религиозных организаций), духовным (религиозным) лидерам, божеству, а источником права и регулятором государственно-правовых, политических и общественных отношений являются религиозно-правовые предписания»¹⁸), разумеется, не светское государство. Но приведение Ватикана в качестве единственного примера современной теократии вызывает недоумение. Разве государства, официально провозглашающие себя исламскими, не являются, хотя бы по замыслу, по идеологии, теократическими? Ведь ислам, в отличие от христианства, не знает разделения власти на духовную и светскую.

¹⁶ См.: Игумен Филипп (Рябых). Указ. соч. С. 5.

¹⁷ Понкин И.В. Современное светское государство. Конституционно-правовое исследование. М., 2006. С. 248.

¹⁸ Там же.

¹⁴ Игумен Филипп (Рябых). Гражданская симфония звучит по-новому // НГ — Религии. 2012. 5 дек. С. 5.

¹⁵ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 87.

И уж совсем неубедительно отнесение всех авторитарно-идеократических государств к разряду несветских. Италию времен фашизма можно подвести под эту категорию, поскольку, по словам Муссолини, «в фашистском государстве религия рассматривается как одно из глубочайших проявлений человеческого духа, она не только уважается, но и защищается и охраняется». Муссолини имел в виду в первую очередь «ту особую и положительную веру, каковой является итальянский католицизм», что нашло воплощение в Латеранских соглашениях с Ватиканом, хотя тот же Муссолини заявлял, что государство не исповедует никакой теологии. Но на каком основании атеистические коммунистические режимы относятся к несветским? Идеологии, основа так называемой «идеократии», так же как авторитаризм или тоталитаризм, сами по себе не являются ни светскими, ни несветскими. Они могут быть религиозными, антирелигиозными, а также в той или иной степени соблюдать по отношению к религии нейтралитет.

Причисление «в некоторой мере» современных США к авторитарно-идеократическим несветским государствам наряду с СССР, КНДР, гитлеровской Германией, основанием для которого послужила господствующая в США «гражданская религия», не более убедительно, чем отказ признать светский характер советской системы. «Гражданская религия» — это государственная идеология, от подлинной религии она может быть далека. Впрочем, И.В. Понкин не настаивает на полном отождествлении США с СССР или КНДР по этому принципу, замечая, что в США наблюдаются также признаки эквипотенциального типа советского государства¹⁹. Поскольку в качестве бесспорного образца несветского государства у И.В. Понкина фигурирует только Ватикан, практически все остальные государства оказываются в разряде светских. Об этом свидетельствует упомянутая выше типология.

Преференциальный тип «характеризуется одним из наиболее “мягких” режимов отделения религиозных объединений от государства из всех типов светского государства выделением государством одной или нескольких религий..., для которых создается льготный режим существования и деятельности, доминированием исторической обусловленности среди причин выделения государством одной или нескольких религий... и наделения их преимущественным режимом». По мнению И.В. Понкина, «данный тип присущ большинству стран Европы и многим странам мира», причем выделение привилегированных религий «может быть реализовано путем закрепления в Конституции (писаной или неписаной) официального

статуса государственной церкви»²⁰. Какова юридическая база такой характеристики? Как можно относить к светским государства, устанавливающие привилегии для определенных религий и даже официально провозглашающие одну из религий государственной? До И.В. Понкина светское государство всегда ассоциировалось с отсутствием государственной религии. Да и сам автор в том же произведении выдвигает в качестве существенных признаков светского государства отсутствие общеобязательной религии и отделение религиозных объединений от государства²¹. Как же могут быть отделены от государства учреждения государственной церкви?

Эквипотенциальный тип «характеризуется стремлением к достижению максимально возможной внерелигиозности и изоляции религиозных объединений от государственной и общественной жизни, к созданию видимости фактического равенства... всех религиозных объединений в отношениях с государством, запретом на какое бы то ни было проявление предпочтения государства той или иной религии в любой форме». В качестве примера приводятся Япония, КНР, Южная Корея и отчасти — США, где реализован смешанный тип государства, «обладающий признаками эквипотенциального и авторитарно-идеократического типа»²². Получается, что этот тип сложился в основном в Азии. Но разве Япония не знает исторически сложившихся преобладающих религий? Разве КНР не резоннее отнести, как и бывшие социалистические страны, к авторитарно-идеократическому типу? Как эквипотенциальность в США сочетается с авторитарно-идеократическим типом? Неужели режим религиозных организаций в США принципиально отличен от Великобритании и близок к порядку, существовавшему в СССР или ныне существующему в КНДР?

«Контаминационный», т.е. смешанный, тип «характеризуется максимальной размытостью границ между религиозным и светским и значительной степенью влияния норм религиозного права на правовую систему государства, определяемого спецификой “восточной” цивилизации..., а также особенностями государственно-правовой системы и исторически укоренившейся системы религиозно-нравственных ценностей». Он свойствен прежде всего странам исламского мира, а также Израилю и государствам, в которых доминируют буддизм и индуизм. Контаминационный тип, в свою очередь, подразделяется на четыре группы: пограничное состояние между светским

²⁰ Там же. С. 251, 252.

²¹ См.: там же. С. 248.

²² Там же. С. 250.

¹⁹ См.: там же. С. 249.

государством и теократией, авторитарный светский режим правления (почему не отнести его к авторитарно-идеократическому типу несветского государства?), либеральный вариант ислама и группа стран, испытывающих значительное влияние Запада и подчеркивающих светский характер государства²³. При отмеченных реальных различиях у И.В. Понкина Иран и Саудовская Аравия оказываются светскими государствами, что не помешало ему сочувственно процитировать мнение автора книги «Учение ислама о государстве» Г.М. Керимова о том, что «в мусульманских странах (в том числе в “мусульманских” республиках России) всегда обнаруживалось стремление мусульман жить в исламском государстве, светское же государство всегда будет под огнем критики ислама»²⁴. И.В. Понкин не видит здесь противоречия и относит государства, официально провозглашающие себя исламскими, к числу светских.

И наконец, последний открытый И.В. Понкиным тип «светскости» — идентификационный. Он характеризуется «расширенным сотрудничеством государства с несколькими религиозными объединениями на основе партнерства государства и граждан в гарантиях, защите и реализации их прав на национально-культурную и религиозную идентичность, партнерство государства и религиозных объединений, представляющих традиционные религии». Особо подчеркивается, что речь идет о сотрудничестве с «выделенными» религиозными объединениями и что оно реализуется в государственных и муниципальных образовательных учреждениях. «Идентификационный тип свойствен государствам, которые прошли исторический этап борьбы... с религией и религиозными организациями, в которых исторические традиции были частично утеряны или реконструированы (Франция, Россия, страны Балтии, Украина и др.)»²⁵. В чем же отличие от преференциального типа? Ведь их сходство очевидно — сотрудничество с несколькими выделенными религиозными организациями. Реальное отличие, видимо, состоит только в утрате исторических традиций. Что же касается «более жесткого, чем в преференциальном типе, отделения религиозных объединений от государства» с добавлением, что «нет и крайностей в толковании такого отделения»²⁶, этот критерий страдает типичной для И.В. Понкина неопределенностью. В качестве «примера» приводится невозможность осуществления главой государства руководства государственной религиозной организацией. Но ведь

глава государства, как правило, не является главой церкви и в странах «преференциального типа». Отнесение Франции к идентификационному типу наряду с Россией произвольно. Франция, один из пионеров в утверждении принципов светского государства, не знала такого глубокого и длительного разрыва с традицией, как Россия. Её следовало бы отнести либо к эквипотенциальному, либо к преференциальному типу, если бы эти понятия обладали четким содержанием. Что касается «идентификационного типа», создается впечатление, что он изобретен специально для современной России как оправдание очевидных отступлений от принципа светскости.

* * *

Главное достижение типологии И.В. Понкина — размывание понятия «светское государство». Возможно, оно соответствует авторскому замыслу, потому что он всячески стремится доказать, что несветские государства являются светскими.

Рациональное зерно предложенной типологии состоит только в том, что отношения между государством и религиозными организациями многообразны и не укладываются в категорическое разделение на светские и несветские. Между двумя полюсами существует обширная промежуточная зона, и подавляющее большинство современных государств пребывает именно в ней, тяготея, как правило, к тому или иному полюсу. Равновесие между двумя типами (или их длительное мирное сосуществование) представляется логически и исторически невозможным, в отличие от компромиссов и взаимных уступок, в которых всегда очень важно выявить тенденцию развития.

Светское государство, так же как правовое, социальное, демократическое, — это идеал. За ним стоит авторитет определенного типа современного правосознания, сформировавшегося в длительной борьбе за свободу совести, а в ряде стран, в частности в России, и авторитет действующей Конституции. Едва ли можно назвать хотя бы одну страну, где бы этот идеал полностью осуществился. Анализ государственно-конфессиональных отношений предполагает дифференциацию. Прежде всего следует различать положения закона и действительное состояние дел. Великобритания формально — не светское государство. Британский монарх является главой государственной англиканской церкви. Грузия, по Конституции, — светское государство. Но вряд ли можно сказать, что принципы светского государства реализованы в Грузии полнее, чем в Великобритании. Проблема состоит в том, как рассматривать отступления от принципа отделения религиозных организаций от государства: как нарушение светского характера государства или как его

²³ См.: там же. С. 252–254.

²⁴ Там же. С. 253.

²⁵ Там же. С. 255.

²⁶ Там же. С. 256, 257.

нормальное проявление? И.В. Понкин придерживается именно второй точки зрения, рассматривая такие отступления в качестве специфики светского государства в той или иной стране. «Государство вправе самостоятельно выбирать модель светскости, на основе которой выстраиваются отношения с религиозными объединениями»²⁷, — пишет он. Это с формально-юридической точки зрения верно. Определение отношения к религии и религиозным организациям вытекает из сущности суверенитета. Но следовало бы добавить, что государство как суверен может и отказаться от принципа светскости, хотя это и противоречило бы взятым им на себя обязательствам в соответствии с нормами современного международного права.

* * *

Если общее понимание светского государства И.В. Понкин лишил всякой определенности, то его представления о том, что не противоречит светскому государству, сформулированы достаточно четко. Он утверждает:

(1) что «отождествление светскости государства с его полной внеконфессиональностью не вполне обоснованно»²⁸, что полностью внеконфессиональное государство невозможно, а «попытки создать такое государство превращают его в антиконфессиональное недемократическое государство»²⁹;

(2) что «конституционная норма о юридическом равенстве религиозных объединений перед законом не означает требования абсолютного юридического и фактического равенства всех религиозных объединений между собой во всем, и прежде всего — в отношениях с государством»³⁰. (Заметим, что требований «фактического равенства» между доминирующей или традиционной религией и малочисленной религиозной группой, новым религиозным движением никто не выдвигает. Единственный смысл «фактического равенства» в данном случае сводится к тому, что юридическое равенство не должно быть фиктивным, что государство беспристрастно в отношении религий, не создает привилегий, не покровительствует ни одной из них);

(3) что «не вполне обоснованно отнесение к признакам светского государства “отделения системы государственного и муниципального образования от влияния религиозных объединений”», что такое отделение и «неосуществимо, так как русская культура была сформирована в православии»,

и неправомерно³¹, что требование внеконфессиональности государственного и муниципального образования «равнозначно требованию внекультурности и вненациональности образования», а потому представляет собой либо утопию, либо «сознательную дискриминацию и нарушение прав граждан по признаку отношения к религии»³²;

(4) что «следует также отметить необоснованность выделения некоторыми авторами требования “признания свободы атеизма” в качестве одного из признаков светского государства». И.В. Понкин допускает атеизм как личное убеждение, но «если атеизм рассматривается как возможность ничем не ограниченной (?) критики религии, религиозных объединений и верующих», то государство «должно всемерно ограничивать право на атеистические убеждения в таком его понимании в силу закрепленного в части 2 статьи 29 Конституции РФ запрета на пропаганду или агитацию, возбуждающие национальную или религиозную ненависть и вражду»³³.

* * *

И.В. Понкин полагает, что его соображения о светском государстве способствуют приходу «светскости понимающей», «светскости конструктивной» на смену «светскости антиконфессиональной» и «светскости агрессивно-индифферентной» (!!)³⁴. Это можно было бы рассматривать как попытку уйти от вульгарного понимания светскости, к чему призывал Президент РФ, если бы предлагаемое И.В. Понкиным решение не сводилось к отрицанию важнейших принципов светского государства. Таковыми являются: отделение религии от государства, свобода совести, юридическое равноправие религиозных (а также атеистических) убеждений и организаций. Любое нарушение названных принципов представляет собой отступление от светского характера государства, а не выбор модели светскости, как полагает цитируемый автор.

Проблема отхода от примитивного понимания светскости в нашей стране действительно существует. В сознании многих граждан светское государство прочно ассоциируется или отождествляется с советским, т.е. атеистическим, государством. Известна и противоположная позиция: СССР и другим социалистическим странам отказывают в светском характере на том основании, что в них господствовала официальная идеология, возведенная в ранг высшей истины, не подлежащей критической оценке. Такой позиции придерживается

²⁷ Там же. С. 50.

²⁸ Там же. С. 17.

²⁹ Там же. С. 46.

³⁰ Там же. С. 160.

³¹ См.: там же. С. 29.

³² Там же. С. 86.

³³ Там же. С. 65.

³⁴ См.: там же. С. 221.

и И.В. Понкин, относя социалистические государства к разряду авторитарно-идеократических. Уподобление государственной идеологии религии оправданно, но только в метафорическом, а не в научном или юридическом смысле. Несветское государство предполагает союз с религией, воплощающийся либо в государственной религии, либо в клерикализации. Объявлять несветским государство, ставящее перед собой цель вытравить религию из сознания населения, придерживающееся последовательной атеистической идеологии, нет никаких оснований. Речь идет о государствах тоталитарных, в лучшем случае — делающих первые робкие шаги к авторитаризму. На деле они отвергают свободу совести и равенство религий. Зато отделение религии от государства осуществляется с максимальной полнотой. Страны социализма — вариант воинствующего, атеистического светского государства. Но существует (и исторически возник раньше) иной вариант — не атеистический, а нейтральный по отношению к религии, не стремящийся её искоренить, гарантирующий свободу совести и равноправие независимо от религиозных убеждений.

Иными словами, известны две формы светского государства — антирелигиозная и нерелигиозная. Игнорируя умеренное светское государство, провозглашающее нейтралитет в вопросах веры, современные российские противники секуляризма утверждают, что нейтралитет невозможен, что любое светское государство по природе своей антирелигиозно. Это не соответствует действительности. США вопреки мнению И.В. Понкина пользуются признанием как один из первых и наиболее развитых образцов светского государства. Это не мешает США быть самой религиозной страной западного мира и обгонять по уровню религиозности населения формально не светскую Великобританию. Ни о какой государственной антирелигиозности в США не может быть и речи. Тем не менее принцип отделения религии от государства, в частности в системе образования, соблюдается весьма последовательно и периодически по заявлениям граждан становится предметом судебного разбирательства.

Отвергая общепринятые представления о «светскости» как религиоборческие, И.В. Понкин в то же время выдвигает идею «современного светского государства», той самой «понимающей или конструктивной светскости, о которой речь шла выше и которая представляет собой размывание сложившегося четкого понятия, ведущее к принципиальному искажению его существа. Получился своеобразный вариант отрицания путем толкования. Хронологически И.В. Понкина, кажется, следует признать пионером в применении этой методики к рассматриваемому вопросу. У него нашлись последователи.

Причины такого подхода ясны. Согласно Конституции РФ светский характер государства представляет собой одну из основ конституционного строя. Изменение гл. 1 Конституции — чрезвычайно сложный процесс. К тому же пересмотр ст. 14 политически нецелесообразен не только как покушение на свободу совести, но и как чреватое большими опасностями нарушение равновесия между последователями разных религий в поликонфессиональном государстве. Путь своеобразного развития Конституции путем толкования проще. Он постепенен, но в конечном счете может оказаться не менее эффективным. Проект оказался востребованным.

* * *

Показательно в этом отношении изменение позиции РПЦ. В известном теоретическом документе Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, принятом юбилейным Архиерейским собором в 2000 г., дается взвешенное, в основном объективное и откровенное изложение взглядов на соотношения Церкви и государства. «В православной традиции сформировалось определенное представление об идеальной форме взаимоотношений между Церковью и государством, — записано там. — Поскольку церковно-государственные взаимоотношения — явление двустороннее, то вышеуказанная идеальная форма исторически могла быть выработана лишь в государстве, признающем Православную Церковь величайшей народной святыней, — иными словами, в государстве православном». Далее указывается, что попытки выработать идеальную форму предпринимались в Византии. Сложившиеся там «принципы получили название симфонии Церкви и государства... Суть её составляет обоюдное сотрудничество... Государство при симфонических отношениях с Церковью ищет у неё духовной поддержки..., а Церковь получает от государства помощь в создании условий, благоприятных для проповеди и для духовного окормления своих чад, являющихся одновременно гражданами государства»³⁵. В названном документе отмечено, что «симфония в Византии не существовала в абсолютно чистой форме», что «отношения церковной и государственной власти в русской древности были более гармоничными», хотя имели место и отступления от канонических правил, а Синодальная эпоха оценивается как «несомненное искажение симфонической нормы». Поместный Собор 1917–1918 гг. рассматривается как «попытка утвердить идеал симфонии в новых условиях, когда империя пала». Далее говорится, что

³⁵ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2001. С. 19, 20.

последующие Поместные Соборы «проходили в условиях, когда история сделала невозможным возвращение к дореволюционным принципам церковно-государственных отношений».

Выделим в приведенных выдержках принципиально важные для рассматриваемой темы положения. Идеал государственно-церковных отношений для РПЦ — симфония. Её оценка с точки зрения теории государства и права корректна и точна. Симфония — не светское, а православное государство. В то же время возврат к симфонии, или дореволюционным порядкам, признавался нереальным, и на этой основе строились отношения РПЦ с существующей политической системой.

«В современном мире государство обычно является светским и не связывает себя какими-либо религиозными обязательствами», — читаем в документе 2000 г. Подчеркивается, что «нельзя понимать принцип светскости государства как означающий радикальное вытеснение религии из всех сфер жизни народа, отстранение религиозных объединений от участия в решении общественно значимых задач, лишение их права давать оценку действиям властей»³⁶.

Исходя из своего мировоззрения и своих задач, РПЦ не одобряет секуляризации вообще и секуляризации государства: «Сам по себе этот процесс свидетельствует о распаде системы духовных ценностей, потере устремленности к спасению в большей части общества, утверждающего принцип свободы совести. Если первоначально государство возникло как инструмент утверждения в обществе божественного закона, то свобода совести окончательно превращает государство в исключительно земной институт, не связывающий себя религиозными обязательствами»³⁷. Но духовное осуждение свободы совести и светскости не помешало признать, что «этот принцип оказывается одним из средств существования Церкви в безрелигиозном мире, позволяющих ей иметь легальный статус в секулярном государстве и независимость от инаковерующих или неверующих слоев общества», что «религиозно-мировоззренческий нейтралитет государства не противоречит христианскому представлению о призвании Церкви в обществе»³⁸.

Итак, светское государство, не являясь для Церкви идеальной моделью, признается как разумная форма существования в современном мире. Оно не отождествляется с антирелигиозной деятельностью. Нейтральность государства в вопросах веры рассматривается как реальное проявление светскости. Такова научно и политически

выдержанная, логичная и умеренная платформа РПЦ на заре XXI в.

Во втором десятилетии ситуация изменилась. Об этом свидетельствует приведенное выше заявление игумена Филиппа (Рябых) (2012 г.) о том, что симфония властей, провозглашенная византийским императором Юстинианом, заложила основы светскости и что ради восстановления справедливости нам следует отказаться от дискриминационного термина «отделение церкви от государства» и пользоваться вместо него понятием «симфония Церкви и государства». По мнению игумена Филиппа, это нисколько не противоречит идеологически сбалансированному понятию «светское государство»³⁹.

И здесь наблюдается тот же подход, что и у И. В. Понкина. Светское государство не отрицается прямо, но очень своеобразно интерпретируется и таким путем превращается в свою противоположность. Явное противоречие с программным документом РПЦ 2000 г., где симфония властей в полном соответствии с исторической действительностью рассматривается как православное государство, видимо, не смущало игумена Филиппа. РПЦ — строго централизованная и дисциплинированная организация. Представители духовенства обычно не позволяют себе импровизаций по вопросам большого мировоззренческого и политического значения. Есть основания полагать, что игумен Филипп высказал в данном случае не только свою личную точку зрения.

Пытаясь согласовать заявление игумена Филиппа с «Основами социальной концепции РПЦ», можно предположить, что симфония властей, которая и в этом документе предстает как идеальная форма государственно-церковных отношений, но считалась в 2000 г. нереальной, ныне признается как практически возможный вариант развития.

* * *

И наконец, ещё один и очень знаменательный шаг на пути толкования конституционного принципа светского государства был предпринят в июле 2017 г. главой комитета Госдумы по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений С. Гавриловым. Он заявил, что «должно быть толкование понятия “светское государство”», потому что у нас нет в этом смысле толкования от Конституционного Суда, а отсутствие такового часто дает повод для антицерковных, антипатриотичных выступлений, на наш взгляд, серьезным образом дискриминирующих систему духовно-нравственных,

³⁶ Там же. С. 16.

³⁷ Там же. С. 23, 24.

³⁸ Там же. С. 24.

³⁹ НГ—Религии. 2012. 5 дек. С. 5.

традиционных ценностей»⁴⁰. Заявление нерядового депутата Государственной Думы, входящего во фракцию КПРФ и межфракционную группу защиты христианских ценностей, привлекло внимание. «Независимая газета» опубликовала подборку суждений по этому поводу⁴¹.

Мнения экспертов разделились. Те из них, кто не причастен ни к государственной власти, ни к религиозным или близким к ним организациям и представляет научную среду (декан философского факультета МГУ В. Миронов, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова Р. Хасбулатов, руководитель Учебно-научного центра изучения религии РГГУ проф. В. Шабуров, единственное исключение составил профессор Высшей школы экономики, политолог О. Матвейчев, полностью поддержавший С. Гаврилова), полагают, что комментарии Конституционного Суда были бы излишни, что ст. 14 Конституции РФ исходит из общепринятых представлений о светском государстве и к тому же, прибавим от себя, определяет его принципы: «Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной», «религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом». Р. Хасбулатов связал предложение Гаврилова, в котором он не видит «никаких позитивных начал», с тем, что в Российской Федерации «идет демонстративное наступление церковников на светскость», что «правлящие круги приблизили церковников настолько близко, что церковники начинают нахально диктовать свое видение государственной политики, вторгаться в сферу образования и науки».

Эксперты, связанные с Государственной Думой и ведущими религиозными организациями (Глава Координационного центра мусульман Северного Кавказа муфтий И. Бердиев, член президиума Всемирного русского народного собора А. Рудаков, заместитель руководителя Экспертной группы по совершенствованию законодательства в сфере свободы совести и религиозных объединений Госдумы РФ М. Шахов), полностью солидаризировались с Гавриловым. М. Шахов утверждает, что «принцип светскости, какое он имеет правовое выражение..., остается фигурой неопределенной», что в Конституции есть термин, а что он означает, никто не понимает». (Кстати сказать, А. Рудаков с этим не согласен, заявляя, что «принцип светскости исчерпывающе описан и в Конституции, и в правовой науке»). «А раз термин не определен, то кто угодно может использовать его в своих целях», рассуждает М. Шахов. — Как правило,

это антиклерикально настроенные люди». Мысль об опасности ложного понимания светского государства разделяет и А. Рудаков. Он полагает, что «с политической точки зрения такой комментарий (разъяснение Конституционного Суда. — О.М.) был бы необходим, поскольку в социальных сетях, в Интернете в последние годы принцип светскости стал приобретать совершенно произвольную интерпретацию».

Позиция М. Шахова, А. Рудакова и др. свидетельствует о том, что заявление С. Гаврилова, как и игумена Филиппа, не было частной инициативой, плодом усердия в защите христианских ценностей коммуниста, возможно, испытывавшего угрызения совести за богоборческую позицию партии, преемницей которой считает себя КПРФ. Скорее всего это была согласованная и хорошо продуманная акция. О её подлинных целях откровенно высказался М. Шахов: «Нам либо нужно сохранить в Конституции принцип равенства религиозных объединений перед законом и вообще избавиться от этой формулировки (имеется в виду «светское государство». — О.М.), так как она не наполнена правовой конкретикой, либо, учитывая, что нереально отредактировать 14-ю статью Конституции, хотя бы дать термину «светское государство» правовое «толкование». Итак, задача — упразднить, или «обезвредить», лишить юридической силы и содержания понятие «светское государство». Предлагаемое тактическое решение: поскольку изменение текста ст. 14 предполагает очень сложную процедуру, прибегнуть к толкованию Конституционного Суда, которое было бы равнозначно отрицанию непонятного М. Шахову и неприятного ему и его единомышленникам принципа. План С. Гаврилова, М. Шахова, А. Рудакова, О. Матвейчева и других «защитников христианских ценностей» поддержал и глава Координационного центра мусульман Северного Кавказа И. Бердиев, рекомендовавший в качестве образца религиозную политику Президента Турции Р. Эрдогана: «Для защиты духовной безопасности России менять конституционные формулировки совсем необязательно. Турция по своей Конституции — тоже светское государство, и это не мешает Анкаре выстраивать свои отношения с религиозными институтами, как это делает Реджеп Эрдоган. Для защиты духовно-нравственных ценностей нужны только желание, воля и понимание. Если человек понимает, что от религии исходит добро, тогда все будет нормально».

Инициатива С. Гаврилова не была доведена до конца, но она ещё раз продемонстрировала, что в стране есть политические силы, готовые отказаться от важнейшего положения ст. 14 Конституции РФ. Если бы уполномоченными на то органами, в частности Государственной Думой, был официально оформлен соответствующий запрос на

⁴⁰ Там же. 2017. 19 июля. С. 10.

⁴¹ См.: там же. 2 авг. С. 14. Все высказывания поименованных ниже лиц цитируются по этому источнику.

толкование, судьба светского государства в России решалась бы Конституционным Судом РФ, и будем надеяться, что он без колебаний встал бы на его защиту. Поскольку такого рода запрос, видимо, в конечном счете был признан нецелесообразным, во всяком случае на сегодняшний день, отстаивание одной из основ конституционного строя остается в плоскости общественно-политической жизни.

* * *

31 августа 2017 г. проблема светскости вновь была поставлена на высоком, хотя и негосударственном или не вполне государственном, уровне. Комиссия Общественной палаты РФ по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений совместно с Советом по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ провела «круглый стол» на тему «Светское государство и духовно-нравственное развитие»⁴².

Председатель комиссии И. Дискин признал, что альтернативы светскому государству не существует. Вместе с тем он заявил, что действующий Закон «О свободе совести и религиозных организациях» написан в 90-х годах прошлого века на основе либеральных представлений и не учитывает нового этапа трансформации, в который вступает Россия. Отличительными чертами этого этапа являются религиозный ренессанс и формирование «новых общностей людей с ориентацией на смысл жизни, и прежде всего на религиозные ценности». В связи с этим предлагается принять новую редакцию упомянутого Федерального закона, в котором государство ясно заявило бы, что оно признает религиозные организации активными участниками духовно-нравственного развития, и взяло бы на себя обязательство поддерживать это развитие в самых разных формах, в частности путем включения в бюджет государственной программы «Поддержка духовно-нравственного развития российского общества».

Председатель Синодального отдела по взаимоотношениям с обществом и СМИ РПЦ В. Легойда назвал неприемлемым применение термина «светскость», понимаемого сегодня в западной трактовке, к российским реалиям. Однако он предложил вместо новой редакции ограничиться изменениями и дополнениями в действующий Закон. Иную позицию занял заместитель председателя комиссии ОП, муфтий Духовного собрания мусульман России, муфтий Духовного управления мусульман г. Москвы и Центрального региона Московский муфтият, муфтий Духовного управления мусульман Чувашской Республики Альбир Крганов. Он

призвал к осторожности в этом «тонком вопросе», назвал действующий Закон преимуществом российской модели, предложил держаться за него и смягчить риторику.

* * *

Можно согласиться с докладчиком на «круглом столе» в Общественной палате в том, что вокруг понятия «светское государство» растет общественное противоборство. Дискуссия продолжается. Юристы должны внести в этот процесс свой вклад и обеспечить правовую аргументацию. Им предстоит доказать, что светское государство и на концептуальном, и на практическом уровнях обладает четким и общепризнанным содержанием, что отказ от вульгарных представлений о светскости состоит не в размыивании этого понятия, а в том, чтобы не отождествлять его с антидемократическим, атеистическим вариантом секуляризма, сложившимся в СССР и других социалистических странах, что светское государство ни в коей мере не направлено против религии, но только лишает её государственного характера, создает условия для беспрепятственного осуществления свободы совести и в силу этого представляет собой необходимый компонент демократического и правового режима.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев Н. Н.* Русский народ и государство. М., 1998. С. 87.
2. *Василевич Н.* Белорусская православная церковь в тени государства // Там же. № 5, сент. — окт. С. 84.
3. *Игумен Филипп (Рябых).* Гражданская симфония звучит по-новому // НГ — Религии. 2012. 5 дек. С. 5.
4. Лит. газ. 2008. 9—15 июля. С. 2.
5. *Мальцев Г. В.* Нравственные основания права. М., 2008. С. 474, 515, 516, 524.
6. НГ — Политика. 2012. 17 апр. С. 14.
7. НГ — Религии. 2007. 16 мая; 2010. 17 нояб. С. 2; 2011. 18 мая. С. 2; 2012. 29 июня. С. 2; 5 дек. С. 5; 2017. 19 июля. С. 10; 2 авг. С. 14.
8. Независимая газ. 2013. 4 февр. С. 1.
9. *Оганнисян О.* Церковь постсекулярная или постсакральная // Pro et Contra. 2013. № 3—4, май — авг. С. 59.
10. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2001. С. 16, 19, 20, 23, 24.
11. *Понкин И. В.* Современное светское государство. Конституционно-правовое исследование. М., 2006. С. 17, 29, 46, 50, 65, 86, 160, 221, 248—257.

⁴² URL: <http://oprfr.ru>press/news/2017/newstem/41882>

12. *Сорокин В.В.* Понятие и сущность права в духовной культуре России. М., 2007. С. 475.

REFERENCES

1. *Alekseev N.N.* Russkij narod i gosudarstvo. M., 1998. S. 87.
2. *Vasilevich N.* Belorusskaya pravoslavnaya cerkov' v teni gosudarstva // Tam zhe. № 5, sent.— okt. S. 84.
3. *Igumen Filipp (Ryabyh).* Grazhdanskaya simfoniya zvuchit po-novomu // NG — Religii. 2012. 5 dek. S. 5.
4. Lit. gaz. 2008. 9—15 iyulya. S. 2.
5. *Mal'cev G.V.* Nravstvennye osnovaniya prava. M., 2008. S. 474, 515, 516, 524.
6. NG—Politika. 2012. 17 apr. S. 14.
7. NG—Religii. 2007. 16 maya; 2010. 17 noyab. S. 2; 2011. 18 maya. S. 2; 2012. 29 iyunya. S. 2; 5 dek. S. 5; 2017. 19 iyulya. S. 10; 2 avg. S. 14.
8. Nezavisimaya gaz. 2013. 4 fevr. S. 1.
9. *Ogannisyan O.* Cerkov' postsekulyarnaya ili postsakral'naya // Proet Contra. 2013. № 3—4, maj — avg. S. 59.
10. Osnovy social'noj koncepcii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. M., 2001. S. 16, 19, 20, 23, 24.
11. *Ponkin I.V.* Sovremennoe svetskoe gosudarstvo. Konstitucionno-pravovoe issle-dovanie. M., 2006. S. 17, 29, 46, 50, 65, 86, 160, 221, 248—257.
12. *Sorokin V.V.* Ponyatie i sushchnost' prava v duhovnoj kul'ture Rossii. M., 2007. S. 475.

THE DEBATE ABOUT A SECULAR STATE IN RUSSIA

© 2019 O. V. Martyshin

Kutafin Moscow state law University (MSAL)

E-mail: martyshin.o@mail.ru

Received 09.08.2018

Secular state has become a subject of discussion in Russian Federation. Some “modern” interpretations of this constitutional principle are equal to negation of its generally accepted content.

Key words: secular state, separation of religion from state, freedom of conscience, legal equality of religions.

Сведения об авторе

МАРТЫШИН Орест Владимирович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

Authors' information

Martyshin Orest V. — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of theory of state and law of Kutafin Moscow state law University (MSAL)